

В
 В холодных сумерках январских
 Плыла за поездом луна.
 Мы пили стоя, по-гусарски,
 У запотевшего окна –
 В один глоток, как по приказу,
 Дея единственный бокал,
 За ту, которую ни разу
 Никто из нас не целовал...

Не находили речи нужной,
 В бокале прятали глаза...
 Мы тяготились нашей дружбой,
 Два битых дамою туза.
 Мы не расстанемся друзьями –
 Любви безжалостна печать.
 Но, слава богу, и врагами
 Нам это утро не встречать.

В холодных сумерках январских
 Качалась бледная луна.
 Мы пили стоя, по-гусарски,
 И, как положено, – до дна...

Если даже я скажу «не люблю»,
 Ты ведь знаешь, это только слова.
 До тебя я жил, как кум королю,
 Был свободен, как под ветром трава.

Просыпался и не думал о том,
 Чем под вечер успокоится день –
 Под его благословенным крылом
 Добросовестно отбрасывал тень.

А теперь я, словно пайныка-паж,
 За тобой иду бездумно след в след,
 Пью любовь из одурманенных чаш
 И ловлю твой заколдованный свет.

Песни грустные на зорях пою,
 До закатов доживаю едва...
 Если даже я скажу «не люблю»,
 Ты ведь знаешь, это только слова.

***

Утро хмурится не по-летнему,
Наскребает на долгий дождь.
Через полчаса по Каретному
Ты, задумчивая, пройдёшь.

Обходя аккуратно лужицы,
Излучая тревожный свет,
Ты исчезнешь. И день закружится
В череде городских сует.

Я по следу пройду неузнанным,
Неразгаданным, словно вор.
Все желанья давно обузданы,
Все надежды – теперь уж вздор.

Только...
То ли мне впрямь недужиться,
То ли грежу счастливым сном:
Ты навстречу бежишь по лужицам,
По Каретному...
Босиком.

В ДЕТДОМЕ

Я не могу забыть тот миг:
Мальчишка с серыми глазами –
Читает немудрёный стих,
О самой лучшей в мире маме...
Чуть шепелявя, вскинув бровь,
Выводит он за словом слово –
Про материнскую любовь
И про тепло родного крова...
Пройдясь под носом рукавом,
В мои глаза упёршись взглядом,
Строчит мальчишка об одном –
О той, которая не рядом...
Он никогда её не знал,
Жизнь даровавшую однажды,
И он ещё бессильно мал,

Но точно знает, что не каждый
Имеет маму... Где она –
Та, что за многое в ответе?
Не мор, не голод, не война,
А сын один на белом свете!

Он мне читает, я молчу...
И лишь слезой давлюсь упрямой.
О, мамы! Как же я хочу
Стать для него сегодня МАМОЙ!

***

Я помню, дарили книги.
Какое хорошее время!
С трибуны вещал Косыгин:
Слова – золотое семя!
Земля рождала героев,
Пшеницу лучшую в мире,
И осы сидели роём
На сливочнейшем пломбире.

Мечтал ли быть космонавтом?
Не помню... Мечтал, наверно –
В стране, расщепившей атом,
Мечтали мы соразмерно.
Над нами летали МиГи –
Ещё не «Стрижи», а стражи.
... Неужто дарили книги?
Не верится как-то даже...

ОТЦУ

...И вспоминаю я себя мальцом.
Мне мир казался сплошь многоэтажным.
И в мире том гордился я отцом –
Таким же, как и мир, большим и важным!

Он широко шагал по мостовой,
Я семенил короткими шажками.
Как хорошо, когда идёт с тобой
Отец, стуча большими сапогами.

Я не боялся в жизни ничего,
Пока был мал, а он большим и важным!
И я как будто рос в тени его –
Спокойно и легко, пока однажды

Я не покинул отчего гнезда,
Жизнь не узнал без грима и с изнанки...
Года бежали, словно поезда,
Сменяя города и полустанки.

Да, мне уж самому за сорок пять,
И сыновья мои взрослеют следом...
Пора и им, пожалуй, рассказать,
Как стать таким большим
и важным дедом!

***

Я жду, когда наступит лето,
И жизнь проявится сполна
В цветочных запахах рассвета
У отворённого окна
Ещё – в лодыжках загорелых
По лужам шлёпающих ног,
В пыли дорог и вишнях спелых
И снова – в ниточках дорог.
Я жду, когда пацан трёхлетний,
Размазав соплю по лицу,
На трёхколёсном драндулете
Под горку скатится к отцу,
А шестилетняя девчушка
С заветным зубом в кулаке
Подставит русую макушку
Моей руке.

НА РЫБАЛКЕ

Туман над тихой водой,
А в камышах – как будто всплески.
Сопит сынишка за спиной,
Впотьмах распутывая лески.

Над ним ещё воркует сон,
И он позёвывает сладко...
– А есть такая рыба-слон?
А рыба-клоун? А зубатка?

Молчим минуту, может, две...
Вода под нами розовеет.
Коряги ивовой правей
Мой поплавок дрожит, как веер.

– А червяку не больно, пап,
Когда его крючком – по пузу?
– А что всех больше любит карп?
Перловку или кукурузу?

– А что...? А если...? А когда...?
Болтает – пусть себе, не жалко.
И чёрт с ней, с рыбой. Ерунда!
Ведь это сынова рыбалка!

СЫН

Он читает эти книги не от скуки, не для
знаний –
Потому что их читает замечательная Таня.
Он летит в библиотеку, всю стипендию –
на книги...
Я почти не замечаю этой маленькой
интриги.

Вечерами он читает. И с утра читает тоже...
Он становится взрослее, содержательней и
строже.

Наконец-то не компьютер, а хотя бы Хенли
Дарен...

Он становится мужчиной.
Как я Тане благодарен!

